

В. И. ЛЕНИН

<«Керенский как бонапартист все более разоблачает себя»>

Кончилось так называемое Демократическое совещание. Слава богу, еще одна комедия осталась позади. Мы все же таки идем вперед, если в книге судеб нашей революции предписано пройти не более как через определенное число комедий.

Чтобы правильно учесть политические итоги Совещания, надо постараться определить его точное классовое значение, вытекающее из объективных фактов.

Дальнейшее разложение правительственных партий эсеров и меньшевиков, явная для всех потеря ими большинства в революционной демократии, шаг вперед в объединении и оголении бонапартизма как г-на Керенского, так и гг. Церетели, Чернова и Ко, — таково классовое значение Совещания.

В Советах эсеры и меньшевики потеряли большинство. Поэтому им и пришлось пойти на подлог: нарушить свое обязательство созвать через три месяца новый съезд Советов, спрятаться от отчета перед теми, кто ЦИК Советов выбирал, подтасовать «демократическое» совещание. Об этой подтасовке говорили большевики перед Совещанием, и результаты его вполне подтвердили их. Либерданы¹ и гг. Церетели, Черновы и Ко видели, что их большинство в Советах тает, а потому и шли на подлог.

Доводы вроде того, что кооперативы «имеют уже крупное значение в числе демократических организаций», а равно и «правильно» избранные городские и земские представители, эти доводы шиты настолько белыми нитками, что только грубое лицемерие может выдвигать их всерьез. Во-1-х, ЦИК выбран Советами и уклонение его от сдачи отчета и должности им есть бонапартистское мошенничество.

Во-2-х, Советы представляют революционную демократию постольку, поскольку в них идут те, кто хочет бороться революционно. Кооператорам и горожанам двери не закрыты. Хозяевами Советов были те же эсеры и меньшевики.

Тот, кто оставался только в кооперативах, только в пределах муниципальной (городской и земской) работы, тем самым выделял себя добровольно из рядов революционной демократии, тем самым причислял себя к демократии либо реакционной, либо нейтральной. Всякий знает, что в кооперативную и муниципальную работу идут не только революционеры, идут и реакционеры; всякий знает, что в кооперативы и в муниципалитеты выбирают преимущественно для работы не общеполитического размаха и значения.

Тайком протащить себе подмогу из сторонников «Единства»² и «беспартийных» реакционеров — вот какова была цель Либберданов, Церетели, Чернова и Ко при подтасовке Совещания. Вот в чем их подлог. Вот в чем их бонапартизм, объединяющий их с бонапартистом Керенским. Обкрадывание демократизма при лицемерном соблюдении внешности демократизма — вот в чем суть.

Николай II обкрадывал демократизм на крупные, так сказать, суммы: он созывал представительные учреждения, но помещикам давал в сотни раз более крупное представительство, чем крестьянам. Либберданы и Церетели с Черновыми занимаются мелкими кражами демократизма: они созывают «демократическое совещание», на котором и рабочие, и крестьяне с полным правом указывают на урезывание их представительства, на непропорциональность, на несправедливость в пользу наиболее близких к буржуазии (и к реакционной демократии) элементов кооперативов и муниципалитетов.

С массами рабочей и крестьянской бедноты гг. Либберданы, Церетели и Черновы порвали, от них они отошли. Спасение их в подлоге, которым держится и «ихний» Керенский.

Размежевка классов идет вперед. Изнутри партий эсеров и меньшевиков крепнет протест, нарастает прямой раскол вследствие измены «вождей» интересам большинства населения. Вожди опираются на меньшинство — вопреки основам демократизма. Отсюда для них неизбежность подлогов.

Керенский как бонапартист все более разоблачает себя. Он считался «эсером». Теперь мы знаем, что он не только «мартовский» эсер, перескочивший сюда от трудовиков «для рекламы». Он — сторонник Брешко-Брешковской, этой «г-жи Плехановой» среди эсеров или

«г-жи Потресовой» в эсеровском «Дне»³. Так называемое «правое» крыло так называемых «социалистических» партий, Плехановы⁴, Брешковские, Потресовы⁵, вот к кому принадлежит Керенский, а это крыло ничем серьезным не отличается от кадетов.

Керенского за дело хвалят кадеты. Он ведет их политику, он за спиной народа советуется с ними и с Родзянкой, он изобличен Черновым и другими в сообществе с Савинковым — другом Корнилова. Керенский — корниловец, рассорившийся с Корниловым случайно и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами. Это — факт, доказанный как разоблачениями Савинкова и «Дела народа», так и продолжающейся политической игрой, «министерской чехардой» Керенского с корниловцами под названием «торгово-промышленного класса».

Тайные сделки с корниловцами, тайное кумовство (через Терещенку и Ко) с империалистами «союзными», тайные оттяжки и саботирование Учредительного собрания, тайные обманы крестьян, чтобы услужить Родзянке, т. е. помещикам (удвоение хлебных цен) — вот чем занимается Керенский на деле. Вот его классовая политика. Вот в чем его бонапартизм.

Чтобы это прикрыть на Совещании, Либерданы и Церетели с Черновыми должны были подтасовать его.

И участие большевиков в этом гнусном подлоге, в этой комедии имело исключительно такое же оправдание, как участие наше в III Думе: и в «хлеву» надо отстаивать наше дело, и из «хлева» давать разоблачающий материал в поучение народу.

Разница тут, однако, та, что III Дума созывалась при заведомом упадке революции, а теперь заведомо идет нарастание новой революции, — мы очень мало знаем, к сожалению, о широте и быстроте этого нарастания.

* * *

Самым характерным эпизодом Совещания я считаю выступление Зарудного. Он рассказывает, что Керенскому «стоило только намекнуть» на реорганизацию правительства, — и все министры стали подавать прошения об отставке. «На другой же день, — продолжает наивный, младенчески-наивный (хорошо еще, если только наивный) Зарудный, — на другой же день, несмотря на нашу отставку, нас призывали, с нами советовались, нас оставили в конце концов».

«В зале дружный смех», — отмечают в этом месте официальные «Известия»⁶.

Веселые люди, эти участники бонапартистского надувания народа республиканцами! Мы ведь все революционные демократы, не шутите!

«С самого начала, — говорил Зарудный, — мы слышали две вещи: стремиться к боеспособности армии и к ускорению мира на демократических началах. И вот, что касается мира, то за полтора месяца, пока я был членом Временного правительства, я не знаю, делало ли Временное правительство в этом отношении что-нибудь. Я не видел этого. (Аплодисменты и голос с места: “Ничего не делало”, — отмечают “Известия”.) Когда я в качестве члена Временного правительства осведомлялся об этом, я не получал ответа...»

Так говорил Зарудный, по сообщению официальных «Известий». И Совецание слушает молча, терпит такие вещи, не останавливает оратора, не прерывает заседания, не вскакивает, чтобы прогнать Керенского и правительство! Куда тут! Эти «революционные демократы» горой за Керенского!

Очень хорошо, господа, но чем же отличается тогда понятие «революционный демократ» от понятия холопа и хама?

Что хамы способны весело хохотать, когда «их» министр, отличающийся редкой наивностью или редкой тупостью, докладывает им, как Керенский гоняет министров (чтобы за спиной народа и «без лишних глаз» договариваться с корниловцами), это естественно. Что холопы молчат, когда «их» министр, взявший как будто всерьез всеобщие фразы о мире, не понявший их лицемерия, признается, что ему даже не отвечали на вопрос о реальных шагах к миру, это не удивительно. Ибо холопам так и полагается — давать себя надувать правительству. Но при чем же тут революционность, при чем же тут демократизм??

Удивительно ли было бы, если бы у революционных солдат и рабочих явилась мысль: «Хорошо бы, кабы потолок Александринки провалился и раздавил всю эту банду хамских душонок, которые могут молчать, когда им наглядно поясняют, как Керенский и Ко водят их за нос болтовней о мире; — которые могут весело смеяться, когда им говорят яснее ясного их собственные министры, что министерская чехарда есть комедия (прикрывающая сделки Керенского с корниловцами). Избави нас, боже, от друзей, а с врагами мы справимся сами! Избави нас, боже, от таких претендентов на революционно-демократическое руководство, а с Керенскими, кадетами, корниловцами мы справимся сами».

* * *

И тут я подхожу к ошибкам большевиков. Ограничиться ироническими аплодисментами и возгласами в такой момент — явная ошибка.

Народ измучен колебаниями и оттяжками. Недовольство явно нарастает. Надвигается новая революция.

Весь интерес реакционных демократов, Либерданов, Церетели и пр. — отвлечь внимание народа на комедийное «Совещание», «занять» народ этой комедией, отрезать большевиков от массы, задерживая большевистских делегатов на таком недостойном занятии, как сиденье и выслушивание Зарудных! А Зарудные еще правдивее других!!

Большевики должны были уйти в виде протеста и для того, чтобы не поддаваться в ловушку отвлечения Совещанием народного внимания от серьезных вопросов. Большевики должны были оставить из 136 своих депутатов одного-трех для «службы связи», для телефонных сообщений о моменте прекращения гнусной болтовни и переходе к голосованию. Но большевики не должны были давать занять себя явными пустяками, явным обманом народа с явной целью притушить нарастающую революцию посредством игры в бирюльки.

Большевики должны были, в числе $^{99}/_{100}$ своей делегации, идти на фабрики и в казармы; там было бы настоящее место делегатов, съехавшихся со всех концов России и после речи Зарудного увидавших всю бездну эсеровской и меньшевистской гнилости. Там, поближе к массам, следовало бы обсудить в сотнях и тысячах собраний и бесед уроки этого комедийного совещания, которое явно только давало оттяжку корниловцу-Керенскому, явно только облегчало ему новые варианты «министерской чехарды».

У большевиков получилось неправильное отношение к парламентаризму в моменты революционных (не-«конституционных») кризисов, неправильное отношение к эсерам и меньшевикам.

Понятно, как это получилось: история сделала, с корниловщиной, очень крутой поворот. Партия отстала от невероятно быстрого темпа истории на этом повороте. Партия дала себя завлечь, на время, в ловушку презренной говорильни.

Надо было уделить этой говорильне одну сотую сил, а $^{99}/_{100}$ отдать массам.

Надо было, если поворот предписывал предложить компромисс эсерам и меньшевикам (мне лично кажется, что он это предписывал),

сделать это ясно, открыто, быстро, дабы тотчас учесть возможный и вероятный отказ друзей бонапартиста Керенского идти на компромисс с большевиками.

Отказ был налицо уже в статьях «Дела народа» и «Рабочей газеты» накануне совещания. Надо было возможно более официально, открыто, ясно сказать, не теряя ни минуты сказать массам: гг. эсеры и меньшевики отвергли наш компромисс, долой эсеров и меньшевиков! Совещание, под аккомпанемент такого лозунга на заводах и в казармах, могло бы «смеяться» над наивностями Зарудного!

Атмосфера некоего увлечения «Совещанием» и обстановкой его складывалась, видимо, с разных сторон. Ошибкой было со стороны тов. Зиновьева писать про Коммуну так двусмысленно (по меньшей мере двусмысленно), что выходило, будто, победив в Питере, Коммуна может потерпеть поражение, как во Франции в 1871 г. Это абсолютно неверно. Победив в Питере, Коммуна победила бы и в России. Ошибкой было с его же стороны писать, что большевики сделали хорошо, предположив пропорциональный состав президиума в Петроградском Совете. Никогда ничего путного революционный пролетариат в Совете не сделает при таком пропорциональном допущении господ Церетели: допускать их значит отнимать у себя возможность работы, значит губить советскую работу. Ошибкой было со стороны тов. Каменева говорить первую речь на Совещании в чисто «конституционном» духе, ставя смешной вопрос о доверии или «недоверии» к правительству. Если нельзя было на таком собрании сказать ту правду про корниловца-Керенского, которая уже сказана и в «Рабочем пути»⁷, и в московском «Социал-демократе»⁸, то почему бы не сослаться на них и закрепить перед массами, что Совещание не хочет слушать правды про корниловца-Керенского?

Ошибкой было со стороны делегаций от питерских рабочих посылать ораторов на такое совещание, после речи Зарудного, после выяснения обстановки. К чему было метать бисер перед друзьями Керенского? К чему было отвлекать пролетарские силы на комедийное совещание? Почему бы те же делегации столь мирно и законно не отправить бы по казармам и наиболее отсталым фабрикам? Это было бы в миллион раз полезнее, насущнее, серьезнее, дельнее, чем путешествие к Александринке и разговоры с кооператорами, сочувствующими «Единству» и Керенскому.

Десять убежденных солдат или рабочих из отсталой фабрики стоят в тысячу раз больше, чем сотня подтасованных Либерданами делегатов от разных делегаций. Использование парламентаризма — особенно в революционные времена — состоит вовсе не в том, чтобы

терять дорогое время на представителей гнилья, а в том, чтобы учить массы на примере гнилья.

Почему бы тем же пролетарским делегациям не «использовать» Совещания так, чтобы издать и показать по казармам и фабрикам, скажем, два плаката в объяснение того, что Совещание есть комедия? На одном плакате можно бы изобразить Зарудного в дурацком колпаке, пляшущего на подмостках и поющего песенку: «Нас Керенский отставил, нас Керенский оставил». А кругом Церетели, Чернов, Скобелев, кооператор под ручку с Либером⁹ и Даном, — все покатывающиеся со смеху. Подпись: «им весело».

Плакат второй. Тот же Зарудный перед той же публикой говорит: «Я полтора месяца спрашивал о мире. Я не получал ответа». Публика молчит, лицам придана «государственная солидность». Особенно солиден Церетели, который пишет незаметно в свою записную книжку: «Этакий балбес Зарудный! Такому олуху навоз бы возить, а не министром быть! Защитник коалиции, а режет ее хуже сотни большевиков! Был министром, а не научился говорить по-министерски, что-де я полтора месяца неуклонно следил за ростом кампании за мир и что я-де убежден в окончательном успехе этой кампании именно при коалиции в связи с великой идеей Стокгольма и прочее, и прочее. Ведь тогда бы и Зарудного та же “Русская воля” восхваляла как рыцаря русской революции».

